

А.В. Никитевич (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ТИПОЛОГИЯ КОРНЕВЫХ ГНЕЗД И ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Результаты получены в процессе выполнения темы А 50-11 “Словообразование и семантическая деривация в белорусских и русских говорах”, которая финансировалась за счет средств Министерства образования Республики Беларусь

В теории словообразования одним из самых действенных признан гнездовой метод изучения структурной организации слов. При этом понятно, что выход за пределы словообразовательной пары приводит исследователя к описанию достаточно сложных семантических связей и отношений между производными единицами, которые находятся в составе значительных по структуре объединений родственных слов. Словообразовательное гнездо, в отличие от таких очевидных и «бросающихся в глаза» реальностей языка, как слово и предложение, – это не только «объект» исследования, но и «модель», с помощью которой мы познаем отдельные стороны в организации словообразования, основываясь на реально обнаруживаемых свойствах зафиксированных единиц, что находит отражение в современной словообразовательной лексикографии.

Необходимость представления наиболее важных и, самое главное, недостающих словообразовательных звеньев порой приводит к тому, что в составе словообразовательных гнезд можно обнаружить и некоторые диалектные слова. Таким образом, фактически расширяется поле деятельности дериватолога, для чего, безусловно, имеются все основания: ведь речь идет об одном языке. Другое дело, что анализ всего массива диалектных слов позволяет увидеть, что ряд из них могли бы существенно дополнить уже «выстроенное» исследователем (как модель) и представленное в лексикографии словообразовательное гнездо, заполнив когнитивно значимые семантические позиции [1]. Другие же родственные диалектные слова могут обнаруживать не формальные отношения производности, но семантические связи, относящиеся к области лексической мотивации, что, в конечном итоге, не позволяет рассматривать их в пределах определенного системой языка словообразовательного гнезда.

Все вышесказанное объясняет, почему одним из актуальных понятий теории словообразования является понятие *корневого гнезда*. Термин *корневое гнездо* неоднозначен в современной лингвистике и используется для характеристики различных групп однокоренных слов. Наиболее рациональным, по нашему мнению, является такое понимание, при котором под *корневым гнездом* понимается совокупность слов, в структуре которых при современном морфемном анализе выявляется общий корень (А.Н. Тихонов). В соответствии с таким пониманием в составе *корневого гнезда* возможно выявление как деривационных, так и недеривационных отношений и, соответственно, блоков единиц, связанных подобными отношениями. При этом принято разграничивать *словообразовательную* и *лексическую* мотивацию. Отношения лексической мотивации могут устанавливаться между различными словами гнезда, которые, в свою очередь, относятся к разным его парадигмам, цепочкам, ступеням словообразования. В свое время, говоря о необходимости разграничения словообразовательной и лексической мотивации, А.Н. Тихонов писал: «Для лексической мотивации непосредственный контакт мотивирующего и мотивируемого не требуется, в то время как словообразовательная мотивация без такого контакта вообще невозможна.... В каждом гнезде [лексическая мотивация] обладает обширной мотивационной базой, которая характеризуется многолексемностью, охватывает все виды внутригнездовых лексических связей однокоренных слов, распространяется на все его участки. В этой системе значительное место занимают разнонаправленные, а также взаимонаправленные смысловые отношения» [2; 246–247].

Учитывая то обстоятельство, что лексический состав и структура *корневых гнезд* отражают особенности взаимодействия однокоренных слов в различных сферах функ-

ционирования языковой системы, несложно признать, что при исследовании деривационного потенциала русского языка особое место могут занимать слова, представляющие русские народные говоры. При сопоставлении собственно диалектных слов со словами литературного языка особый интерес представляет анализ особенностей диалектной сочетаемости общеязыковых корней. Диалектное корневое гнездо может включать в свой состав на равных основаниях общеупотребительную и диалектную лексику или состоять только из диалектных слов. При этом оно может быть структурировано и описано на различных уровнях существования диалектной системы: на уровне сводной системы говоров, совокупности говоров отдельной группы, в рамках отдельного говора или его индивидуально-речевого употребления [3; 12]. Достаточно привлекательным и современным выглядит направление исследований, при котором анализируют отдельные исторические гнезда, на равных основаниях рассматривая лексику литературного языка и территориальных диалектов.

При описании в сопоставительном плане гнезда лексического (корневого), в первую очередь, бросаются в глаза различные несоответствия семантического плана между внешне однотипными производными, пусть и представляющими различные подсистемы в близких по родству языках (литературный язык/говоры). Рассмотрим, к примеру, многообразие значений в русской глагольной паре *хороводить* – *хороводиться*. Ср.: *хороводить* (простореч.) 1. 'Завлекать, привлекать к себе'. ... Пей, гуляй, писаных красавиц *хороводи*! *Хороводить* около себя. 'Заставлять ухаживать, увиваться'. [Фроська] *хороводила* около себя парней. 2. Неперех. То же, что *хороводиться* (во 2-м и 3-м значениях).

Хороводиться (простореч.) 1. '*Водить хоровод*'. Парни с девками *хороводились* вдали. 2. 'Тратить время попусту, канителиться'. 3. 'Возиться с чем-нибудь, хлопотать'. Две недели с сеном *хороводился*. // 'Знаться, водиться' *Хороводиться с кем-л.* // 'Состоять в любовной связи, крутить'. Ванька Зубарев *хороводился* с ней полтора года [4; т. 17; 388].

В РБС находим следующие соответствия: хоровод – *карагод* – Ø (глагол не приводится – А.Н.), *вадзіць карагод*; *хороводиться* несов. разг. (возиться) *важдацца*; (водиться) *вадзіцца* [5; т.3; 693]. В ТСБМ: *карагод* 'Масавая народная гульня, якая суправаджаецца танцамі, песнямі і драматычнымі дзеяннямі'. *Вадзіць карагод, а дзе ні паўявіцца Алеся, то там будзе і весела, і жыва —могуць песні пайсці, могуць танцы, ад яе могуць пачаць карагод*. Скрыган. *Карагодзіць* 'Вадзіць карагод'. *Скакалі, карагодзілі [маскі] і пляскалі. А я маўчаў, замкнуўшы ў сэрцы крык*. Макаль [6; т.3; 636]. В СПЗБ: *карагодзіцца* 'Тое ж, што і караводзіць'. *Два гады да арміі карагодзіўся із ёй. Мярэцкія Глыб*. [7; т.2; 413]. Таким образом, совершенно очевидны некоторые различия в количестве и качестве глагольных значений, затрагивающие область семантической деривации в рамках фрагмента данного лексического гнезда.

Заслуживают внимания обусловленные различием в деривационном потенциале «тождественных» корневых морфем несоответствия между объемом и составом словообразовательных парадигм, а также различия между степенью синтетизма и аналитизма в выражении определенной семантики. К примеру, в СПЗБ приводится очень интересный глагол *дубасаваць* 'становіцца дыбам'. Конь *дубасуе*. А также целый ряд наречий соответствующей семантики: *дубаса, дубасою, дубарам, дубаўя*) [7; т.2; 98–99]. Ср. в [5; т.1; 415]: *дыбиться – дыбіцца, дубом* (нареч.) – *дуба, дубка; волосы стали дыбом – валасы дуба сталі; дыбы – на д. прям., на дыбікі, дубка*. В русских народных говорах: *дубы*. В дубы, в знач. нареч. 'На дыбы'. *Я взял лошадь закладать, а ена в дубы!* Луж. Петерб., Матер. Срезневского. *Дубью*, нареч. 'дыбом, стоя'. Пск., 1855. [8; т.8; 242]. *Дубом и дубом, нареч.* 1. 'Стоймя, стоя'. Пск. *Поставь мешок-то дубом*. Новг. Новг., 1904. 2. 'Дыбом, торчком'. *После байни у яго всида волосы дубом стоят*. Йонав. Лит. ССР [8; т.8; 239]. Анализ всего комплекса русско-белорусских соответствий, затрагивающих как литературный язык, так и

говору, позволяет обратить внимание на отсутствующую в русском языке деривацию в глагол, в отличие от белорусских говоров (*дубасаваць*).

Приведем еще один пример своеобразного представления глагольной семантики: Яблыні і грушы ўжо *дуляваліся*, але яшчэ садавіна адцягвала ўніз іх голле. (К. Чорны). Ср. в русском языке: *дулеть*. Обл. 'Становиться пустым от гниения'. Старые деревья сперва выгнивают, а потом *дуляют*. А также *дулить*. Обл. 'выдалбливать душло в дереве'. В этой связи хотелось бы обратить внимание на не совсем верную трактовку бел. глагола *дулявацца* как безэквивалентного по отношению к русскому языку [9; 81]. В этом значении имеется глагол иной словообразовательной модели (*дулеть*). С другой стороны, в бел. языке отсутствует однословное соответствие русскому глаголу *дулить* [4; т.3; 1161].

Любопытны и многочисленные примеры слов с вполне очевидной внутренней формой: *надворяніцца* 'Пожить, как дворянин — в роскоши и почете', *заскленіць* 'запечатаць, зацэраваць поўныя соты з мёдам' – *засклеп* 'запоўненыя мёдам соты, якія запечатаны воскам', *разгуліць* 'не дать вовремя заснуть' (*Разгулил дівчонку, тепер яе не уложыш*), *разгрудіць* 'определить, пристроить на время, отправив в разные места' (*Детвору-то разгруділі, кого в лагерь адправілі, кого в дзевяню*) и т.п.

Диалектное словообразование заслуживает самого пристального внимания единичными «вкраплениями» в состав корневых гнезд производных, представляющих значения, своеобразно расширяющие когнитивное пространство того или иного славянского языка.

Літаратура

1. Никитевич, А.В. Межъязыковые лакуны и диалектное словообразование в близкородственных языках / А.В.Никитевич // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: ХУ Міжнар. з'езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20 – 27 жніўня 2013г.): дакл. Беларус. Дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі; рэдкал.: А.А.Лукашанец (адк. рэд.) і інш. – Мінск: Беларус. Навука, 2013. – С. 109 – 122.
2. Тихонов, А.Н. Лексическое гнездо в современном русском языке / А.Н.Тихонов. – М.: Наука, 2005. – 386 с.
3. Шаброва, Е.Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания: Учебное пособие к спецкурсу / Е.Н. Шаброва. – СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Вологда: ВГПУ, 2002. – 86с.
4. Словарь современного русского литературного языка: 1950 – 1965. – Академия наук СССР. Ин-т русского языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР. – Т.1 – 17.
5. Русско-белорусский словарь: В 3 т.: АН Беларусі, Ин-т языкознания им. Я.Коласа. – Мінск : БелЭн, 1993.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Акадэмія навук БССР. Ін-т мовазнаўства імя Я.Коласа. Галоўная рэдакцыя беларускай савецкай энцыклапедыі. – Мінск. – 1977 – 1984. – Т.1 – 5.
7. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5-ці т. Мінск.: Навука і тэхніка, 1979 – 1985.
8. Словарь русских народных говоров: 1965 – 2007. – М.- СПб : Изд-во Академии наук СССР, Институт лингв. Исследований РАН. – Вып.1 – 41.
9. Шкраба, І.Г. Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі / І.Г. Шкраба. – Мінск, 2008.

А.С. Новак (Бельцкий государственный университет имени А. Руссо)

СОСТАВНОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ В РУССКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА

Составное глагольное сказуемое – это главный член двусоставного предложения, который определяется подлежащим (субъектом). С грамматической точки зрения субъект и предикат оказываются связанными взаимонаправленно, образуют неразрывное единство.

Составное глагольное сказуемое выделяется как в русском, так и в румынском языках. В обоих языках оно состоит из вспомогательного компонента – глагола-связки, выражающего грамматическое значение, и присвязочной части (предикативного компонента). Характерной особенностью, отличающей данную синтаксическую единицу в русском и румынском языках, является средство репрезентации присвязочной части: в русском языке присвязочная часть выражена инфинитивом, а в румынском в этой роли могут выступать также конъюнктив, супин и причастие.